

Интеллектуальная коммуникация в культуре восточных славян конца XVI–XVII вв.*

Понятие «интеллектуальность», а также термины, связанные с ним, имеют определенную традицию в интерпретации – ориентацию на науку Нового времени, светское образование, опору на

* Необходимо сказать, что в современной литературе существуют разные термины для обозначения этих территорий и его населения: земли с восточно-славянским населением Великого княжества Литовского, затем вошедшие государство Речи Посполитой, на ее восточных территориях. Малая и Белая Русь – названия, данные московскими правителями, они вошли в титулатуру Московского царя XVII в. после 1654 г, когда земли западной и юго-западной Руси вошли в состав Московского государства; отсюда название населения юго-западных земель – малороссы, западных – белорусы в противопоставление великороссам, населяющим центральные районы Московского царства. Эта терминология была унаследована в Российской империи и широко использовалась учеными XIX в. Языковая ситуация определяла русское население или русинов как людей, говоривших «попросту» и писавших на «простой русской мове». Существенным признаком, объединявшим этих людей, являлась их конфессиональная православная однородность до принятия Унии (1596 г.) и появления русских, принявших Греко-католическое вероисповедание. Православные этих территории подчинялись киевской митрополии. Украинцы и белорусы – термины, появившиеся в XVII в., которые в последующих столетиях закрепили национальное самосознание и движения за политическую самостоятельность. По стилистическим причинам в статье употребляются разные этнонимы; за этим не стоят какие-либо принципиальные политические или этнокультурные пристрастия автора. Подробнее о развитии самосознания восточнославянских этносов см.: *Флоря Б.* О некоторых особенностях развития этнического самосознания восточных славян в эпоху Средневековья – Раннего Нового времени // *Россия–Украина: история взаимоотношений* / Отв. ред. А.И.Миллер, В.Ф.Репринцев, Б.Н.Флоря. М., 1997. С. 9–27.

индивидуальность человека, развитие его мышления и созидательных способностей, расширение свободы человека. Об этом заботилась еще античная культура, являясь истоком всей европейской интеллектуальности. Новое время существенно прагматизировало это понятие, почти отождествив его с собственно наукой, высоким уровнем образования и результативностью интеллектуальных усилий человека.

Однако в интеллектуальной истории Европы имелись и другие коннотации. С легкой руки Жака ле Гоффа, в современной гуманитаристике востребован термин «интеллектуалы Средневековья». Носители этого рода интеллектуализма не имеют прямого отношения к науке в ее современном понимании. Однако они были высоко образованы для своего времени, и являлись хранителями христианской книжности и университетской учености. Об этом типе интеллектуализма и интеллектуальной коммуникации пойдет речь в статье на материале, вводящем нас в круг проблем, связанных с возникновением ранних образовательных институций среди славян конца XVI–XVII вв., живших в пределах Речи Посполитой, и трансляции этих коммуникаций на Московский двор.

* * *

Одним из тех, кто взял на себя труд осуществления коммуникации между западными славянскими интеллектуалами и книжниками Московского Царства, был Симеон Полоцкий¹, приглашенный, как пишется в литературе, по инициативе царя Алексея Михайловича с целью образования и просвещения своего двора. Иноческий сан Симеон принял в 1656 в Богоявленском монастыре Полоцка на территории Белой Руси. К этому времени Полоцк уже два года находился под рукой Москвы: царь Алексей Михайлович с июля 1654 г. именовался Полоцким и Мстиславским². В Богоявленский монастырь Симеон был принят на должность учителя («дидаскала») в братскую школу. К этому времени он завершил свое образование, которое получал в 1640–50 гг. в Киевской братской коллегии при ректоре Иннокентии Гизеле, а с 1648 г. – Лазаре Барановиче. Оба ректора также были выпускниками Киевской коллегии, продолжившие затем свое образование во Львовской академии (Ги-

зель), Виленской и Калишской (Баранович). Симеон, как и его наставники, завершал свое образование в Вильно в Иезуитской академии и, как предполагают некоторые исследователи, возможно, в других европейских учебных заведениях³. Сложившиеся к тому времени интеллектуальные связи на западных славянских территориях были достаточно разнообразны и находились под влиянием «второй схоластики», на которую в особенности ориентировались иезуитские учебные заведения.

Очевидно, что на территории Украины и Белоруссии к XVII в. сформировался тот тип интеллектуала, о котором писал Жак Ле Гофф в своей книге. Выходцы из Киевской коллегии – высшего учебного заведения, где они получали свое образование в середине и конце XVII в., вполне удовлетворяли определению термина «интеллектуалы» по Ле Гоффу: их «ремеслом было размышление и преподавание своих мыслей»⁴. В Европе, как известно, такие люди появились в эпоху раннего средневековья, в XII в. они обнаруживаются в городских школах, а в XIII в. находят свое место в университетах. Разумеется, речь идет о связанных с христианской традицией мыслителях, теологах. Интеллектуал европейского Средневековья лицо поименованное, включенное в ту или иную школу, имеющее своих учеников, статус в обществе, нередко признание заслуг церковью... Особенностью этой интеллектуальной культуры, ее образовательной обязательностью, было устроение диспутов, что само по себе, способствовало появлению «своих мыслей». Случалось и так, что диспуты могли иметь особое продолжение, дисциплинарного свойства на церковных Соборах. Тогда спор имел не интеллектуальное, но вполне дисциплинарное решение, с далеко идущими последствиями. Достаточно вспомнить Пьера Абеляра и его оппонента Бернара из Клерво, решение Санского собора 1141 г., на котором учение Абеляра было осуждено как еретическое. Так было в средневековой Европе. А в славянских землях?

В России мы видим совсем иной темп, иные культурные реалии и иной тип интеллектуальной коммуникации. Книжная культура Древней Руси не тип, подобный европейскому интеллектуалу в своей социальной среде. Преподавание «своих мыслей» было невозможно по причине, прежде всего, отсутствия образовательных институций. Школ, университетов, коллегий вплоть до 80-х гг.

XVII столетия в Московском царстве не существовало. Это не значит, что «своих мыслей» у русских книжников не было. Это значит, что сложившаяся «бесшкольная» (термин А.В.Карташева) книжная практика в монастырях и приходах брала на себя выполнение всех необходимых духовных потребностей. В их число входили и церковные службы, и научение грамоте, и идеологическое сопровождение политических событий, и идейные противостояния с иноверцами, и воспитание, и привитие благочестия и многое другое, в чем книжник мог быть полезен своим соотечественникам⁵.

Однако православные славяне в интересующем нас XVII столетии населяли не только пределы Московского царства. Немалые территории, в разное время входившие в состав древнерусских земель и княжеств, оставались под властью Польского королевства и Великого Княжества Литовского. И здесь также трудились православные книжники. Именно эта среда после подписания Люблинской унии 1569 г. и создании нового государства Речи Посполитой явилась катализатором интеллектуального расцвета православной культуры в восточных территориях нового государственного формирования⁶. Попытаемся обозначить ряд причин, поспособствовавших этому интеллектуальному развитию.

Во-первых, в политические и социальные изменения включилось разносословное православное население бывших литовских территорий. Это, безусловно, инициировало как повышение социальной активности городского населения (мещан), так и православных князей, которые взяли процесс консолидации православного населения в свои руки на почве просвещения и образования.

Во-вторых, и это понятно, контакты с иноверными (католиками и протестантами) на этих территориях были абсолютно актуальны. Вопрос сохранения православной веры стоял очень жестко. Миссионеры, поддерживаемые королевской властью, активно направляли свои усилия к распространению католической веры. Иезуиты переносили борьбу за души масс верующих, прежде всего, в образовательную сферу. Ответ со стороны православной элиты мог быть один: осознание необходимости создания собственных образовательных структур в пределах православной веры.

В-третьих, объединение литовских и польских земель в одном государстве соединило очень разных православных русских западных и восточных территорий, вошедших в состав Речи По-

сполитой⁷. Для *галицкой шляхты* политический центр находился в Польском королевстве, для *волынско-киевской* – не далее собственного воеводства, к социальным структурам которого принадлежал каждый. До унии, пишет Н.Яковенко, миграции среди населения из одной территории в другую не было. Но после унии положение меняется. «Просвещенная, инициативная и мобильная в сравнении с боярами Волыни и Киевщины, галицкая шляхта наравне со своими польскими коллегами стала правой рукой вельможных патронов, получая по их протекциям солидное положение и поместья», – пишет современный историк⁸. Львовские горожане Плетенецкие, выходцы из Львова, служившие Василию-Константину Острожскому получили дворянский титул. Александр Плетенецкий, принявший в монашестве имя Елисей стал архимандритом Киево-Печерского монастыря в 1599 г. Предки казацких старшин, а также церковных иерархов начинали свою «украинскую родословную» со службы князьям Острожским, Заславским, Вишневецким и другим известным княжеским фамилиям⁹. Движения этого рода от Галиции на восток имели в своей основе *личный* (частный) интерес и способствовали развитию социальной и культурной мобильности населения. История демонстрирует достаточно много примеров того, как подвижная социальная среда питает культурные новации.

В-четвертых, тяжелое положение греческой православной церкви в османском Константинополе вынуждало восточных иерархов искать поддержки в православных землях для противостояния распространявшей свое влияние Греко-католической унии. Обострение этой борьбы на интересующих нас территориях связано с заключением в 1596 г. Брестской Унии, положившей начало официальному существованию Греко-католической церкви на восточных территориях Речи Посполитой, что явилось катализатором полемика богословия¹⁰.

В-пятых, на этих территориях уже сложилась образовательная традиция: юноши- выходцы из руських земель получали образование в европейских университетах еще с конца XIV в.¹¹ Образовательные коммуникации укреплялись и расширялись на протяжении XV–XVI вв. под сильным воздействием распространявшихся по всей Европе гуманистических идей. Молодые люди из западно-русских городов (Львова, Вильно, Полоцка и др.) становились студентами ближайших польских и дальних, немецких, итальянских,

университетов (в документах европейских университетов они назывались «рутены», «литвины»)¹². Блестящим и успешным примером такой коммуникации конца XVI в. явилась деятельность книгопечатника и переводчика Библии на церковнославянский язык для домашнего чтения, доктора медицины (степень получена в Падуанском университете) Франциска Скорины.

В-шестых, нельзя не учитывать важнейшее техническое и материальное основание для распространения образования – освоение книгопечатания в западных и юго-западных русских территориях. Школа, как правило, следовала за открытием типографии. Типография же стала первоначальным центром образования и культурной самоидентификации западной Руси. Типографии требовали серьезных вложений. Деньги для их создания давали магнаты, шляхта, богатые горожане, при этом *разной религиозной и политической ориентации*. И протестантские общины, и православны братства, и католические организации нуждались в печатной продукции и книги издавались на разных языках. Это разнообразие поддерживало полемическое напряжение в интеллектуальной атмосфере общества. Во 2-й половине XVI – 1-й половине XVII вв. типографии появляются по всей западной и южнорусской территории.

Наконец, *в-седьмых*, не без ренессансных архитектурных влияний расширялось монастырское строительство на восточных территориях Речи Посполитой – Троицкий монастырь-крепость Межерич (XV–XVI вв.), Николаевский в Мильцах (XVI в.), Успенский в Почаеве (XVI в.), Фроловский в Киеве (1566); Борисоглебский в Гродно (1550) и в Новогрудке (1517), Жировицкий Успенский (1493), Супрасльский Блговещенский (1498) и др.¹³ со временем стали центрами просветительского и образовательного движения. Уже в последней трети XVI столетия в среде западного и юго-западного русского православного населения была осознана необходимость создания собственных *образовательных центров*.

* * *

В 70-х гг. XVI в. в Речи Посполитой почти одновременно оформились два центра высшего образования, однако конфессионально разных: в Вильно – католический, в Остроге – православный.

«Княжий дом» в Остроге стал местом, где в 1576 г. была основана первая православная украинская школа высшего типа для «воспитания и образования многих ученых»¹⁴. Затем процесс школьного строительства достаточно быстро распространился по многим городам западной и центральной Украины и Белоруссии. Покровителем школы Острога был князь Василь-Константин Острожский. Первоначально основные усилия интеллектуалов Острога были сосредоточены на издании славянской Библии. Во всех отношениях это было очень значимое дело. Для православных украинцев, белорусов и русских иметь печатный экземпляр Библии, значило обеспечить максимальное количество приходов исправленным и выверенным текстом Священного писания. Для католического Запада славянская Библия – доказательство самостоятельности и высокого уровня развития славянской языковой культуры; для протестантского окружения большой соблазн склонить православных христиан, исповедующих веру на национальных языках, к союзу против католиков, остающихся верным латыни. Главным результатом усилий по созданию «славянского» письменного слова, безусловно, было первое издание славянской «Острожской Библии» (вышла в свет 12 августа 1581 г.) стараниями русского первопечатника Ивана Федорова (эмигрировавшего из Москвы в царствование Ивана Грозного) с предисловием Герасима Смотрицкого. Печатанию Библии предшествовала серьезная текстологическая работа по сверке разных текстов, как греческого, так и церковнославянского (Геннадиевская Библия).

Здесь же на Волини в городке Миляновичи в конце 1560-х гг. сложился кружок интеллектуалов под руководством другого москвича, ученика Максима Грека, единомышленника князя Острожского, Андрея Курбского. В.В.Калугин связывает начало переводческой деятельности князя Курбского с приглашением в Вильно иезуитов, подчеркивая полемическую заостренность и просвещенческую значимость этой деятельности. Понятно, что энциклопедические по своему характеру тексты в этой ситуации были необходимы, чем всякие иные. Возможно, поэтому Курбский сосредоточил свою работу на переводе «Источника знания» – третьей части энциклопедического богословского труда Иоанна Дамаскина, «Нового Маргарита» и создании агиографического свода, как основы и ориентира для православных «русских» Украины и Белоруссии в

иноверном окружении. Важна также была справочная литература. На полях переводческих трудов Курбского немало статей разного содержания. В.В.Калугин атрибутировал их как извлечения из двух словарей: латинского толкового Амвросия Калепино, монаха-августинца XV в., и «Ономастикона» Конрада Геснера XVI в.¹⁵ Существенно, однако, что и переводы Отцов Церкви делались с латинских источников. Помощники Курбского владели латынью, это были выпускники Краковского университета шляхтич Амброжий (до 1575) и князь М.А.Оболенский (до 1577), а затем бакалавр Станислав Войшевский. Известно, что сам князь Курбский выучил латынь лишь по приезду в Литву¹⁶. Необходимость посылать для образования учеников в западные университеты на примере кружка Курбского еще раз показала, насколько важна организация собственных славянских учебных заведений на территориях Украины и Белоруссии.

Принцип, положенный в основание Острожской школы, как и впоследствии Московской Славяно-греко-латинской Академии, состоял в преподавании ученикам *трех языков*. Впервые Collegium Trilingue для изучения иврита, греческого и латыни – трех сакральных языков христианского вероучения – был создан в Лувене. В 1521 г. его созданию способствовал Эразм Роттердамский, который предполагал объединить, как богословские науки, так и необходимость филологической подготовки и научных работ, по всей видимости, развивая идеи, высказанные еще Августином.

Учреждая школу в Остроге, князь Василь-Константин Острожский сделал первую в западных русских землях попытку на почве православной веры объединить и греческую, и латинскую ученость. Первым ректором школы был Герасим Смотрицкий, каменецкий городской писарь, а первыми учителями – греческие дидаскалы, за которыми князь Острожский посылал на Патриарший двор в Константинополь. С преподаванием в Острожской школой был связан будущий патриарх александрийский и константинопольский Кирилл Лукарис. Работа книжников в Остроге, пишет современный историк, была «по сути своей историко-филологическими студиями богословского направления, которые были ориентированы на исправления испорченных переписчиками мест, текстологическим разысканиям <...>, переводом с греческого и комментированием восточно-христианской патристики»¹⁷. Такая деятельность по-

зволюла говорить об Острожском центре как об «академии», при которой, как полагают, функционировала и школа (всяком случае известно, что в типографии был переиздан Букварь). Н.Яковенко считает школу – «побочным продуктом» ученого сообщества или своего рода «придворным лицеем», готовившим кадры для академии. Официальной самостоятельности академия, как и школа, не получили, т.к. право преподавания семи свободных искусств, как в любом средневековом европейском университете, даровалось Привилегией короля Речи Посполитой, которое Острожская «гимназия» не получила.

В 1602 г. князь перенес центр просветительной деятельности из Острога в Дермань, где существовал монастырь, в котором ученые-монахи занимались переводами. Очевидно, именно здесь и произошло первое в славянских землях *соединение школы и монастыря*, учености и богословия. Известно, что в Дермани еще в 1599 г. был сделан перевод с греческого (!) на славянский язык сборника «Пчела, или Собрание стихов от богодухновенного писания и внешних учителей». С переездом школы в монастырь деятельность братии была реорганизована для преподавания и развития православного богословия. Этот монастырь, по мысли князя, должен был стать своего рода *училищным монастырем*. Здесь также была создана типография, Острожская школа продолжала работать и в начале XVII в., когда в Украине стали распространяться *братские школы*. В Острожской типографии еще в 1612 г. были напечатаны Часослов и Типикон. Школа была упразднена лишь в 1622–1624 гг., но типография существовала до 1640 г.

* * *

Православное городское население южных и западнорусских территорий Речи Посполитой, оберегая себя от поглощения иными христианскими конфессиями, еще в середине XVI в. нашло собственную форму самоуправляемых институций – *православные братства*, которые выполняли разнообразные социальные функции, в том числе и образовательные. Важно, что братства имели юридический статус: один из ранних документов такого рода – Уставная грамота Львовского епископа Тучапского Макария Ми-

колавскому братству во Львове от 18 февраля 1544¹⁸. Братства образовывались во Львове, Городоке, Люблине, Замостье, Рогатине, Галиче, Шаргороде, Стряnine, Луцке, Каменец-Подольском, Дубне, Ярославле, Немирове, Виннице, Киеве; а также Могилеве, Минске, Орше, Полоцке, Слуцке, Пинске, Вильно и др. городах. Большинство братств имели не только школы, но и библиотеки, а также типографии. Братства Малой и Белой Руси поддерживали между собой самые тесные связи, обменивались изданиями, учителями своих школ, проповедниками и типографщиками. Сами братства, а более всего школы при них, можно рассматривать как источник образовательного роста и постепенного осознания самостоятельности православной мысли в схоластических и риторических формах, разработанных в католических образованных кругах.

Многие из воспитанников Острога стали действующими интеллектуалами Украины. Они учительствовали в открывающихся братских школах, шли в монастыри, продолжая там интеллектуальную работу по переводу и изданию богословских трудов. Приведем лишь один пример. Начальное образование в Острожской школе получил Мелетий Смотрицкий – сын Герасима Смотрицкого, написавшего предисловие и стихи для Острожской Библии 1581 г. и бывшего ректором острожского училища. Мелетий затем продолжил образование в иезуитской коллегии Вильно; слушал лекции в Лейпциге и Виттенберге. Он остался в интеллектуальной истории автором изданной в Вильно в 1618 г. (Евье 1619 г.) «Граматики славенские правильное сунтагма по тщанием многогрешного мниха Мелетия Смотрицкого». В 1648 г. она была переиздана в Москве на Печатном дворе и оставалась учебником и в следующем столетии (известно, что по этой Грамматике учился Ломоносов). Учебник включал грамматические разделы, этимологию и синтаксис, а также краткие сведения по риторике и поэтике. Предшественником Мелетия Смотрицкого в грамматическом деле был Лаврентий Зизаний, который в 1596 г. издал во Львове «Граматику словенскую». Были и последователи: Памво Берында напечатал в Киеве в 1627 г. первый украинского-старославянский словарь – «Лексикон словенороський».

Самая первая школа львовского Успенского братства («Порядок школьный»), юридически закреплённая грамотами антиохийского патриарха Иоакима от 1 и 15 января 1586 г., основана

была, скорее всего, годом ранее. Затем в 1590 г. киевский митрополит Михаил Рогоза, а также поместный церковный собор и короли Польши подтвердили ее статус¹⁹. В школу, в соответствии с Уставом, набирали детей разных сословий. Они изучали старославянский, греческий и латинский языки, риторику, богословие и музыку. Школа выпускала высокообразованных для того времени людей, через которых оказывала большое влияние на развитие школьного образования не только Украины, но и Беларуси, Молдовы, других земель. Во львовской школе учились или преподавали в разное время: Стефан и Лаврентий Зинзаний, Кирил Транквилион-Ставровецкий, Исая Копинский, Иван (Йов) Борецкий, Памво Берында, Гаврило Дорофиевич, Захария Копыстенский, Сильвестр Коссов, Исая Трофимович-Козловский и другие известные учителя и книжники, полемисты и проповедники, грамматисты и знатоки языков. Эта школа стала образцом для всех остальных братских школ, распространившихся во многих городах и крупных селах Украины и Белоруссии.

Вслед за Львовской в 1615 г. в центральной Украине была основана Киевская братская школа²⁰. Одним из ее организаторов и первым ректором стал Йов Борецкий, ранее ректор Львовской братской школы. Основные уставные и просветительские идеи были восприняты из Львовской школы, но постепенно круг предметов расширялся. Помогать ей стали частные лица, в том числе и гетман Петр Сагайдачный. Учениками братской школы были выходцы из казацкого и мещанской среды. В 1632 г. по инициативе Петра Могилы²¹, закончившего Львовскую братскую школу, а затем продолжившего свое образование в европейских университетах, Киевская братская школа объединилась со школой Киево-Печерской Лавры и была реорганизована в высшее учебное заведение – Киево-Могилянский коллегиум. И снова, как и в Остроге, образовательное учреждение соседствовало с типографией: еще в 1615 г. архимандрит Елисей Плетенецкий создал самостоятельную типографию при Киево-Печерской Лавре для печатания богословской и учебной литературы. Учебное заведение нуждалось не только в типографии, но и в собрании книг, богословских, учебных по всем направлениям и дисциплинам. Библиотека коллегиума стала центром ученой монашеской и учебной книжности.

Монастырские типографии при образовательных заведениях работали как с разнообразным репертуаром книг, так и с солидными авторами. К примеру, Иннокентий Гизель, ректор Киево-Могилянской коллегии, интеллектуал, философ, историк и просветитель издавал свои труды в типографии Киево-Печерского монастыря. Если интеллектуал менял место своего служения, то и необходимый ему интеллектуальный багаж следовал за ним. Известно, что Лазарь Баранович, также в свое время ректор Киево-Могилянской коллегии перенес типографию в Троицко-Ильинский монастырь Чернигова из Новгород-Северского. Выходившие книги были поводом для интеллектуальных бесед в кругу интеллектуалов, а если таковые не могли состояться лично, то о них сообщалось в переписке. Симеон Полоцкий, поселившись в Москве, переписывался с киевскими корреспондентами и получал в подарок их новые книги. Так собрание проповедей Лазаря Барановича «Меч духовный» было подарено Симеону в 1666 г., когда Лазарь приезжал на Большой собор в Москву. В июне 1669 Лазарь послал Симеону свою новую книгу проповедей «Трубы словес проповедных» с надеждой, что она будет опубликована в царской типографии в Москве. В письме, полном поэтической игрой слов, которую Симеон конечно же оценил, Лазарь заметил, что в «Трубах...» «нет ничего против вероучения, и в мыслях своих я был осторожным...»²², понимая существенную разницу проповеднической традиции в Киеве и Москве (собственно, отсутствия таковой в Московском Царстве). Прививая эту традицию на московской почве, Симеон собрал собственные проповеди в два сборника «Обед душевный» и «Вечеря душевная», которые вышли из Верхней типографии уже после его смерти в 1681 и 1683 гг. соответственно, стараниями ученика Симеона Сильвестра Медведева²³.

* * *

С конца 40-х гг. можно говорить о распространении труда киевских интеллектуалов на Печатном дворе в Москве, а в 1664 г. Симеон Полоцкий окончательно переселился в Москву.

С каким же багажом приехал на царский двор этот интеллектуал? За время его преподавания в Полоцке остались самые разные произведения, по которым можно представить широту его обра-

зованности и разнообразие умений. Он составлял стихотворные переложения литургических текстов, декламации, диалоги, эпиграммы. Им были написаны стихи по случаю того или иного знаменательного события, праздника и панегирические приветствия. Видимо с одним из такого рода приветствий «метрами» он обратился в 1656 г. к царю Алексею Михайловичу. Известно, что царь в шведской компании 1656–58 гг. дважды в 1656 г. посетил Полоцк. И.Л.Андреев пишет об июльском визите, перед дорогой на Ригу, когда войско имело несколько побед над небольшими городками-крепостями²⁴. Тогда, известно, царь посетил Борисоглебский монастырь, церкви Спасскую и Софийский собор, центр базилианского ордена, возвращенный православной церкви. Второй раз в Полоцке он был после поражения под Ригой в октябре. В какой из двух визитов он слышал Симеона и его учеников точно сказать нельзя. Ученики братской школы, воспитанники Симеона, приветствовали царя и произвели тем самым на него, очевидно, новое впечатление²⁵. В 1660 г. Симеон с «отроками» впервые посетил Москву и снова предстал перед Алексеем Михайловичем в Кремле с чтением декламации. Вернувшись в Полоцк, он продолжил свою педагогическую и поэтическую деятельность, требовавшую больших знаний и интеллектуальных умений, выучки и ясной головы. Он писал акrostихи, загадки, «эхо» с рифмующимися вопросами и ответами, макаронические стихи с использованием нескольких языков, фигурные в форме креста, лучей, «раки», образующие один и тот же текст при чтении слева направо и справа налево и т. д. Все это – репертуар хорошо образованного в барочном искусстве поэта, владеющего приемами риторики, поэтического мастерства и, кроме всего прочего, польским, латинским, книжным «руським» языками. Источниками этого рода образования были школьные курсы риторики, поэтики, хорошее знание античных латинских авторов и, конечно же, богословской литературы. При дворе Алексея Михайловича Симеона прозвали «философ», «вития» и «пиит», однако он был прежде всего богословом и подписывал свои труды «иеромонах», что позволило ему участвовать в работе церковного собора 1666–1667 гг.

Собор открылся 29 апреля 1666 г., «протокольный отчет» о заседаниях собора вел «по поручению государя» Симеон Полоцкий. Благодаря его стараниям до нас дошла «литературная обработка» –

книга «Жезл правления», которая была издана на Печатном дворе в 1667 г. Ее автор, был именно *автором*, т. е. достаточно вольно отнесся к своей задаче. Н.Ф.Каптерев со всем духом позитивистской критики ученых XIX в. писал: «Полоцкий, при обработке соборного материала, относился к нему довольно свободно и даже вносил в соборные деяния и нечто свое личное. Так он приделал к соборным деяниям сочиненное им вступление, совершенно бессодержательное, не имеющее никакой исторической ценности и к делу прямо не относящееся, – обычный продукт тогдашнего пустого красноречия. Затем, вместо подлинной речи царя к собору, поместил в деяниях речь своего собственного сочинения. То же он сделал и с речью митрополита Питирима, которую тот говорил от лица собора в ответ на речь царя. Причем сам Полоцкий в своих соборных деяниях делает такие простодушные пометы: “Слово великого государя, или, доложив его, великого государя, сию последующую” и действительно затем в деяниях помещает речь своего сочинения. Или им надписано: “здесь речь преосвященного митрополита (т. е. Питирима) написати, или, вместо ея, сей ответ” и помещает далее ответ им самим составленный»²⁶. Совершенно очевидно, что Симеон Полоцкий не книжник – летописец, в задачу которого входило как можно более точное изложение событий, свидетелем которых он являлся. Полоцкий мыслил себя *автором*, которому происходящее служило лишь материалом для его собственных творений. Его нисколько не смущала новизна затеянного им труда. Особо интересны его пометы, в которых он смело брал на себя роль как бы «соавтора» события. Он надеялся на свой разум, свою ученость и понимание происходящего и полагал, что им самим сочиненная речь, которую не произносил на самом деле царь и митрополит, не изменит смысла событий. Эта авторская позиция, безусловно, влияние западной интеллектуальной культуры.

Позиция Симеона на Московском дворе была уязвима именно по причине его «латинства» и «западной образованности». Даже старшее поколение могилянцев – Епифаний Славенецкий, ценивший познания Симеона, критически относился к нему за незнание греческого. Да и Священными книгами, как показывают исследователи, Симеон часто пользовался в латинских изданиях. Собственно, именно за те качества, которые вызвали интерес к нему царя, он и не был принят православным священством Московской Руси.

Хотя не стоит видеть в царе Алексее Михайловиче сознательного латиниста и западника. Скорее это был «аристократический» интерес к новинам, виденным им в походах в западные славянские земли и попытка усвоение правил европейских дворов. Возможно поэтому в 1667 г. царь вверил Симеону воспитание и образование своих детей – будущих царя Федора и царевны-правительницы Софьи. В выборе наставника для царевича Петра Алексеевича, будущего Петра Великого, Симеон выполнял роль экзаменатора дьяка Никиты Зотова, взятого затем воспитателем для малолетнего Петра. Его педагогические способности пригодились в Приказе тайных дел, где он обучал латинскому языку государственных чиновников для дальнейшей дипломатической работы. И это также была большая новина – «школьное», пусть по ведомственной нужде обучение иностранному языку. И еще одна поддержка уже от юного царя Федора Алексеевича, просвещенного ученика Симеона: в 1678 г. была открыта «Верхняя» типография в Кремле («в Верху»), позволившая Симеону обходить патриаршую цензуру, контролировавшую и планировавшую продукцию Печатного двора.

Симеон поселился в Заиконоспасском монастыре и не претендовал на получение высоких титулов в духовном сословии и продвижение по церковной иерархической лестнице. Смысл своей деятельности он видел в ученой, книжной, словесной работе, оставаясь иеромонахом. В его келье расположилась самая большая по тем временам в Москве личная библиотека²⁷, в которой были собраны книги, очевидно, купленные Симеоном во времена его обучения в Киеве и Вильно. Эта библиотека сама по себе была целым университетом для желающих приобщиться к богословским темам и сюжетам и не только к ним. Книги по философии, праву, медицине, географии, истории, естественной истории, разумеется, Священной истории, гомилетике, догматике, арифметике, геометрии, астрономии, риторике и поэтике на латинском, польском, греческом, церковнославянском и немецком языках, различные словари – это не полный перечень тематики Симеоновской библиотеки. Учеников у Симеона было, видимо, немного. Первому и достойному – Сильвестру Медведеву, также монастырскому интеллектуалу, Симеон завещал свою библиотеку. Просветительские надежды в пределах православной веры по примеру тех академий, в которых он сам обучался, воплотились в проекте организации в

Москве высшей школы («академии») по типу польских и западноевропейских университетов²⁸. Именно в целях просвещения своих венценосных учеников Симеон незадолго до смерти успел издать в Верхней типографии «Букварь языка славенска» (1679), «Тестамент Василия, царя греческого, сыну Льву» (1680), «Историю о Варлааме и Иоасафе» (1680).

Кроме сборников проповедей «Обед душевный» и «Вечеря душевная», Симеон создал еще в 1670 г. богословский компендиум «Венец веры кафолической», который должен был выполнять просветительские и катехетические функции при дворе Алексея Михайловича. При его написании Симеон, как и в других случаях, например, создавая «Вертоград многоцветный», пользовался богословскими трудами католических авторов, которые находились в его библиотеке. Здесь мы встречаемся еще с одним видом интеллектуальной коммуникации в работе книжников того времени – содержательным заимствованием текстов, их фрагментов, композиционных и структурных элементов и т. п.²⁹. Симеон работал с чужими текстами в своих интересах, но прежде всего как переводчик. Однако конечная цель его трудов – его собственный, авторский текст. Важно отметить, что конфессиональные различия учитывались Симеоном при такого рода «творческих процедурах» и католический текст *трансформировался* в текст православный, однако московские книжники относились к Симеону с недоверием.

* * *

Монастырская интеллектуальная культура эпохи барокко почитала новолатинскую поэзию, как, впрочем, и литературу античных авторов. Этому, как мы уже говорили, специально обучали в курсах риторик и поэтик в коллегиях и академиях. Поэты интеллектуалы в монастырях не только писали богословские труды и составляли проповеди. Они были очарованы поэзией и сами творили: трудились над переводами, обращали в стихи богословские произведения, писали вирши. По примеру польского поэта Яна Кохановского, как утверждают литературоведы³⁰, Симеон, став первым поэтом, введя на русской почве силлабику как форму книжной поэзии, написал «Псалтырь рифмотворную» (1680 г. издана в

Верхней типографии) – переложение «славенским» языком одной из книг Священного Писания. Конечно, ценителей этой литературы, особенно на Московском дворе, было немного, хотя известно, что уже после смерти поэта в 1685 г. его стихи из «Псалтыри» был положены на музыку дьяком Василием Титовым, подносной список был подарен царевне Софье в 1687 г. И здесь не обошлось без интеллектуального западного влияния. Николай Дилецкий, автор трактата «Музыкальная грамматика», в котором были разработаны правила и основы партесного пения, приехал из Вильно в Москву в 1679 г. Как считают исследователи произведений Василия Титова, ему была известна работа Дилецкого³¹.

Интеллектуальное влияние на Московский двор не было ограничено проповедями и шире, богословской литературой. Первые театральные постановки и заведение театра также можно рассматривать как интеллектуальные барочные новины. Известно, что в традиции иезуитского образования, усвоенной в западных братских школах, были обязательны театральные действия. Симеон поддержал интерес Алексея Михайловича к театру и написал два драматических произведения в стихах: «Комидия притчи о блудном сыне» и «трагедия» «О Навуходоносоре царе, о теле злате и о трех отрощех, в печи не сожженных» – инсценировка библейского рассказа из Книги пророка Даниила³².

Однако главным стихотворным трудом Симеона, барочной стихотворной энциклопедией стал поэтический сад – «Вертоград многоцветный» (1676–1680), название которого точно отражает разнообразие, собранных в этой книге сюжетов и тем из самых разных областей жизни – земной и небесной, человеческой и Божественной. Философско-религиозный концепт мира как книги, характерный для европейской барочной культуры, имел в «Вертограде...» стихотворное воплощение.

Интеллектуал, ведущий монастырскую жизнь, Симеон, как это не покажется странным, оказался проводником западных образцов придворной церемониальной жизни на Московском дворе. Он «поэтически обслуживал» всякий праздник, торжественные церемонии, печальные даты и т. п. события повседневной жизни российской элиты. Все плоды этих трудов он собрал в один сборник под названием «Рифмологион», куда вошли пять «книжиц»: «Благоприветствование» по случаю рождения царевича Симео-

на (1665); «Орел Российский» (1667) – поэма, приуроченная к церемонии официального объявления наследником престола Алексея Алексеевича; «Френы, или плачи» на смерть царицы Марии Ильиничны (1669); «Глас последний» на смерть царя Алексея Михайловича (1676); «Гусли доброголасная» – поэма по случаю восшествия на престол царя Федора Алексеевича (1676). Визуальность барочной культуры предполагала, что стихи не только прочитывались, но и рассматривались как картина. Поэтому само слово становилось материалом для создания визуального образа, выраженного эмблемой или геральдической фигурой. Соединение изображения и словесного выражения предполагало разнообразие поэтических тем (как, например, тема «знаки зодиака»³³); или особый жанр конклюдий, также сложившийся в конце XVII в.³⁴, или, как это стало разрабатываться уже в XVIII в., **словесное украшение архитектурных деталей при строительстве Триумфальных ворот**, где подписи или стихотворный текст был вписан в изображение³⁵. Панегирический жанр требовал от поэта-интеллектуала высокого уровня овладения риторическими приемами. Ведь смысл панегирика – не только прославить того, кому адресовано произведение, но и удивить, вызвать одобрение своим хитроумным словесно-визуальным изобретением.

* * *

Интеллектуальную деятельность Симеона в Москве, пожалуй, наилучшим образом могли понять и оценить только его ученики. Вот свидетельство Сильвестра Медведева: «На всякий же день име залог писати в полдесть по полу тетради, а писание его бе зело мелко и уписисто»³⁶. Писание и было основным делом его жизни. Подобные ему интеллектуалы, выпускники Киевской коллегии остались на тех территориях, откуда он, после возвращения Полоцка Польше, поспешил уехать. И действительно, нельзя сравнить спокойную жизнь Симеона под покровительством царской семьи в Москве и, к примеру, полную войн, лишений, политических и церковных интриг жизнь его старшего коллеги Лазаря Барановича, жившего в Киеве, а затем принявшего сан архиепископа Черниговского. В биографиях этих интеллектуалов второй поло-

вины XVII в. можно найти как общее, так и различия, обусловленные, прежде всего, их местом. Для одного – в самом его центре, на Московском дворе, а для другого – на окраине царства, в только что присоединенных Малороссийских землях, где бесконечно продолжались войны, казачьи восстания, конфессиональная борьба с униатами, стычки с московскими воеводами.

Лазарь Баранович (1620–1693) сделал по тем временам хорошую «духовную карьеру». Оставив ректорство в Киевской Братской коллегии в 1657 г., он стал епископом Черниговским³⁷, а в 1666 г. в Москве патриарх посвятил его в сан архиепископа Черниговского и Новгород-Северского³⁸. Высота сана обязывала заниматься не только духовной, проповеднической и книжной деятельностью, но и активно участвовать в политике периода войн и разрухи. Лазарь Баранович был свидетелем военного разорения Украины от татар, турок, поляков. Он искал политических решений для выхода из кровавых противостояний как вовне, так и внутри украинского общества (например, между казачеством и городским населением). После 1654 г. Лазарь Баранович выполнял дипломатические миссии, искал компромиссы с московскими властями в военных и политических вопросах, особенно в отстаивании самостоятельности киевской митрополии, а также административной свободы Малороссии против московских воевод. Он сумел снискать благорасположение Москвы, за что критиковался антимосковскими группировками на Украине. Его заботил подъем образования и улучшение быта низшего духовенства, увеличение школ и типографий, восстановление разрушенных войной монастырей и церквей. Характеристику, которую дает Костомаров Барановичу, можно отнести и к Симеону: «Лазарь был человек с житейским благоразумием, позволял себе говорить насколько было для него безопасно, умел и молчать, и старался ладить с сильными и угождать им»³⁹. При этом он оставался книжником, интеллектуалом своего времени; жил в Ильинском монастыре Чернигова, писал книги и стихи, занимался проповеднической деятельностью. В Новгород-Северске им была устроена типография, которая при его жизни выпустила в свет около 50 книг, богослужебных и литературных, на славянском, польском и латинском языках. В 1679 г., как уже отмечалось, новгород-северская типография была перенесена в Чернигов.

Одним из важнейших направлений в славянской книжности Лазарь Баранович считал проповедь. Проповеди Барановича изданы в двух сборниках *in folio* и посвящены царю Алексею Михайловичу. Первый, напечатанный в Печерской Лавре в 1666 году, под названием: «Меч Духовный, еже есть глагол Божий», включает в себе слова и поучения на дни воскресные и переходящие праздники от Пасхи и до Великой субботы, так же как построен сборник Симеона Полоцкого «Обед душевный». Другой сборник, напечатанный там же в 1674 году, носит название: «Трубы Словес проповедных» и включает проповеди на дни святых и непременяемые праздники (у Симеона такого рода сборник – «Вечеря душевная»). Костомаров дает критическую характеристику этим трудам, обвиняя Лазаря в «вычурности» и «напыщенности» языка и считая, что проблема его в том, что украинский проповедник «отступил от способа, принятого Галатовским и Радивилловским, – писать проповеди языком близким к народной речи. Он пишет на славяно-церковном языке». Впрочем, продолжает Костомаров, «Лазарь, как кажется, и писал их, имея в виду более всего понравиться Алексею Михайловичу, любившему изысканность и напыщенность речи»⁴⁰. Действительно некоторые исследователи отмечают, что для его верующей паствы общий настрой проповеднических текстов в книге имел, кроме догматического, еще и смысл политический.

Меч духовный – это Слово Божие, переданное проповедником во времена войн, татарских набегов, жестокости московских гарнизонов и прочих тягот немирной жизни. Не по рассказам архиепископ знал о военных стычках и нападениях. В 1668 г. он стал свидетелем захвата собственной резиденции в Спасо-Преображенском монастыре помощником Ромадановского князем Щербатовым и его войском в Новгород-Северске, «что было только началом, а закончилось войной в Чернигове», как писал сам Баранович к И.Гизелю⁴¹. Именно этот эпизод является поводом к той просьбе, которую адресует Баранович своему собрату по книжному и проповедническому делу Симеону Полоцкому в Москву с надеждой на помощь для организации встречи своих посланников с царем Алексеем Михайловичем в Москве. Письмо это, также как письмо Гизелю, написано по следам только что произошедших событий.

Характерно его начало, демонстрирующее высокий уровень образования обоих, а также все приметы барочной актуализации античных текстов. В начале своего письма Баранович обращается к текстам Овидия, которые тот писал из понтийской ссылки («Скорбные элегии», «Письма из Понта»). Небезопасность жизни меж воинственных народов «гордых турок» и «черкесов», под которыми Баранович понимает казаков, позволяет ему подменить «действующие народы» в текстах Овидия. Латинский поэт говорит о сарматах и гетах и других народах Причерноморья, Лазарь пишет: «Еще Овидий писал про них (казаков)...»⁴². Это начало письма адресовано образованному корреспонденту, знающему латинскую поэзию и, безусловно, способному понять литературную подмену. Для текстов эпохи барокко такие вольные ассоциации достаточно распространены. Овидий – один из цитируемых в академических курсах «Поэтик» автор. Приветствие от интеллектуала интеллектуалу естественно начать со ссылки на древнего и любимого автора. Впрочем, начало изложения событий в родных краях снова напоминает овидиевы строки: в своих посланиях тот часто упоминает необработанные земли, опустошенные войной, о том же сообщает Лазарь. Автор образно и без подробностей излагает налет князя Щербатова («так нас ущербил...»), пожары, смерть.... Однако за этими поэтическими аналогиями стоят реальные проблемы: отношения между Москвой и Киевом и та политическая деятельность автора письма, от которой, видимо, был весьма далек Симеон.

Конечно, данной статьей невозможно исчерпать тему интеллектуальных коммуникаций и специфики их существования в XVII в. на славянских территориях. Важно подчеркнуть, что интеллектуальные коммуникации в рассмотренном нами случае, безусловно, были встроены в широкий контекст тех изменений, которые происходили в Московском царстве 2-й пол. XVII в. Успешность этих коммуникаций зависела от того, насколько эффективно привьются на российских территориях институции, способные не только удерживать, но и воспроизводить и расширять тот слой людей, который мы назвали здесь интеллектуалами, причем не только на религиозной почве. Иными словами, речение о создании в Московском царстве школ и высших учебных заведений, чем был, среди прочих своих трудов, занят Симеон, стало одной из главных культурных задач России в грядущих реформах XVIII в.

Примечания

- 1 Самуил Гаврилович Петровский-Ситнянович (1629–25.08.1680) – В литературе можно встретить разночтения его отчества (Емельянович или Гаврилович) и фамилии (Петровский / Пиотровский-Ситнианович / Ситнянович). «Исследованием установлено, что “двойным” отчеством и двойной фамилией С.П. обязан отцу, которого звали Гавриил Ситнянович, и отчиму – Емельяну Петровскому» (*Робинсон М.А., Сазонова Л.И.* Заметки к биографии и творчеству Симеона Полоцкого // Русская литература 1988. № 4 С. 134.) Об этом же: *Сазонова Л.И.* Литературная культура России. М., 2006. С. 50.
- 2 *Андреев И.Л.* Алексей Михайлович. М., 2003. С. 293.
- 3 *Панченко А.М.* Симеон Полоцкий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. XVII в. Ч. 3. С. 362.
- 4 *Ле Гофф Ж.* Интеллектуалы в Средние века. М., 1997. С. 3.
- 5 См. подробнее об этом: *Киселева М.С.* Учение книжное: текст и контекст древнерусской книжности. М., 2000.
- 6 В статье 3 Постановления Люблинского сейма об унии Вел. кн. Лит. с Короной Польской от 1 июля 1569 г. перечисляются народы, входящие в это новое государственное образование: «Но так как остаются титул и должности Вел. кн. Лит., то избранник при избрании и короновании должен быть тотчас же провозглашен королем польским и вел. кн. литовским, русским, прусским, мазовецким, жомойтским, киевским, вольнским, подляским и лифляндским» – [http://ru.wikisource.org/wiki/Люблинская_уния_\(1569\)#.D0.98.D0.B7_.D0.BF.D0.BE.D1.81.D1.82.D0.B0.D0.BD.D0.BE.D0.B2.D0.BB.D0.B5.D0.B](http://ru.wikisource.org/wiki/Люблинская_уния_(1569)#.D0.98.D0.B7_.D0.BF.D0.BE.D1.81.D1.82.D0.B0.D0.BD.D0.BE.D0.B2.D0.BB.D0.B5.D0.B)
- 7 *Яковенко Н.* Параллельний світ. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI–XVII ст. Київ, 2002. С. 231–269.
- 8 *Яковенко Н.* Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України. 3-те вид., перероблене та розшир. Київ, 2006. С. 205.
- 9 Там же. С. 206.
- 10 *Опарина Т.А.* Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. Новосибирск, 1998.
- 11 *Хижняк З.И.* Киево-Могилянская академия. Киев, 1988. С. 15.
- 12 См.: *Нудьга Г.А.* На літературних шляхах. Київ, 1990; *Нічик В.М.* Києво-Могилянська академія і німецька культура. Київ: Український Центр духовної культури. 2001. С. 35.
- 13 *Слюнькова И.Н.* Монастыри восточной и западной традиции. Наследие архитектуры Белоруссии. М., 2002. С. 47.
- 14 *Шустова Ю.Э.* Документы Львовского Успенского Ставропригийского братства. (1586–1788): Источниковедческое исследование. М., 2009. С. 161; *Яковенко Н.* Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України. С. 209–213; *Мицько І.А.* Острозька слов'яно-греко-латинська академія (1576–1636). Київ, 1990; Русская Православная Церковь, 988–1988. Очерки истории I–XIX вв. М., 1988. Вып. 1.
- 15 *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный: (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя. М., 1998. С. 57.

- 16 Там же. С. 30–64. Подробное исследование творчества Курбского см. также: *Auerbach I. Andrej Michajlovič Kurbckij und sein Kreis // Kurbckij A.M. Novyj Margarit. Historisch-kritische Ausgabe auf der Grundlage der Wolfenbütteler Handschrift / Hrsg. von I. Auerbach. Giessen. 1987. Bd. 3. Lfg. 15. S. 13–51 (Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slawen).*
- 17 *Яковенко Н.* Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України. С. 211.
- 18 *Ісаєвич Я.Д.* Братства та їх роль в розвитку української культури XVI–XVII ст. Київ, 1966. С. 14–15. Деятельность братств и их значение для развития западно-русской культуры оценивается в литературе по разному. См: *Флеров И.* О православных церковных братствах. СПб., 1857; *Голубев С.Т.* История Киевской духовной академии. Киев, 1886; *Харламович К.В.* Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века, отношение их к инославным, религиозное обучение в них и заслуги их в деле защиты православной веры и церкви. Казань, 1898; *Панков А.А.* Братства. Очерк истории западнорусских православных братств. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1900; *Медьнский Е.Н.* Братские школы Украины и Белоруссии в XVI–XVII вв. и их роль в воссоединении Украины с Россией. М., 1954; Пам'ятки братських шкіл на Україні кінець XVI – початок XVII ст. Тексти і дослідження / Ред. В.І.Шинкарук, В.М.Нічик, А.Д.Сухов. Київ, 1988; *Яковенко Н.* Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України. Розд. 4.4.
- 19 *Шустова Ю.Э.* Документ Львовского Успенского Ставропригийского братства. (1586–1788): Источниковедческое исследование. М., 2009. С. 163.
- 20 Интересен исторический факт дарственной Галашки Гулевичивны-Лозчиной, жены Мозырского маршалка Лозки, по которой ее дом и земля были пожертвованы школе (*Хижняк З.И.* Киево-Могилянская академия. Киев, 1988. С. 42–44).
- 21 См.: *Жуковский А.* Петро Могила й питання єдності церков. Київ, 1997. С. 63–76.
- 22 Чернігівські Афіни. Київ, 2002. С. 87.
- 23 См. подробнее: *Елеонская А.С.* Русская ораторская проза в литературном процессе XVII века М., 1990; *Киселева М.С.* «Ключ живота и смерти»: антропология русского барокко в православной проповеди XVII // Человек в культуре русского барокко. М., 2007. С. 249–265.
- 24 *Андреев И.Л.* Алексей Михайлович... С. 301.
- 25 См.: *Симеон Полоцкий.* Вирши / Сост., подготовка текстов, вступ. статья и комментарии В.К.Былинникова, Л.У.Звонаревой. Минск, 1990. С. 40–41.
- 26 *Кантрев Н.Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович: В 2 т. Т. 2. М., 1996. С. 28–29.
- 27 Описание ее см.: *Забелин И.Е.* Книги переписанные книгам, которые по указу Святейшого Патриарха в нынешнем во <7> 198 году в день <...> переписаны в Спасском монастыре, за иконным рядом, подле церкви в верхней кладовой палатке // Временник Императорского Московского Общества истории и древностей российских. М., 1853. Кн. 16. А также: *Hippisley A., Luk'janova E.* Simeon Polockij's Library. A Catalog. Köln–Weimar–Wien, 2005.
- 28 См. подробно: *Фонкич Б.Л.* Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М., 2009.
- 29 Подробное исследование техники заимствований при создании «Венца веры» на основе фундаментального пособия для пастырей «Hortus pastorum», написанного бельгийским католическим богословом Жаком Маршаном (Jacques

- Marchant, 1585–1648), исследован М.А.Корзо. См.: *Корзо М.А.* Нравственное богословие Симеона Полоцкого: освоение католической традиции московскими книжниками второй половины XVII века. М., 2011.
- 30 *Сазонова Л.И.* Литературная культура России. М., 2006. С. 55.
- 31 См.: *Хьюз Л.* Царевна Софья. М., 2001. С. 223.
- 32 Об этой стороне творчества см.: *Былинин В.К.* Неизученная школьная пьеса Симеона Полоцкого // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М., 1982. С. 309–317; *Софронова Л. А.* Поэтика славянского театра XVII–XVIII в.: Польша, Украина, Россия. М., 1981; *Еремин И.П.* Симеон Полоцкий – поэт и драматург // *Симеон Полоцкий.* Избр. соч. СПб., 2004 (репринт 1953); *Тихонравов Н.С.* Русские драматические произведения: 1672–1725. СПб., 1874. Т. 1; *Резанов В.И.* Из истории русской драмы: Школьные действия XVII–XVIII иезуитов. М., 1910; *Он же.* Школьные драмы польско-литовских иезуитских коллегий. Нежин, 1916.
- 33 См. о зодиаках работы: *Шустова Ю.Э.* Восприятие символики знаков Зодиака в книжности Московского государства второй половины XVII в.: Лазарь Баранович и Симеон Полоцкий // Семинар по геральдике и вспомогательным историческим дисциплинам. Бюллетень № 62. Заседание 25 февр. 2010 г. М., 2010. С. 5–12; *Она же.* Восприятие символики знаков зодиака в книжности Московского государства второй половины XVII в. // Вспомогательные исторические дисциплины в пространстве гуманитарного знания: материалы XXI междунар. научн. конф. Москва, 29–31 янв. 2009 г. М., 2009. С. 56–81; *Она же.* Интерпретация символики Зодиака в эпоху царя Алексея Михайловича // Коломенское: Материалы и исследования / Под ред. Е.А. Верховской. М., 2009. Вып. 12. С. 109–124; *Звездина Ю.Н.* Зодиак в изданиях Киево-Печерской лавры второй половины XVII века // IX Научные чтения памяти И.П.Болотцевой. Ярославль, 2005. С. 110–122.
- 34 *Алексеева М.А.* Жанр конклюдий в русском искусстве конца XVII – начала XVIII в. // Русское искусство барокко / Под ред. Т.В.Алексеевой. М., 1977. С. 7–29.
- 35 *Тюхменева Е.А.* Искусство триумфальных врат в России первой половины XVIII века. Проблемы панегирического направления. М., 2005.
- 36 Цит. по: *Еремин И.П.* Симеон Полоцкий – поэт и драматург // *Симеон Полоцкий.* Избр. произведения. СПб., 2004 (репринт 1953). С. 227.
- 37 Чернігівські Афіни. Київ, 2002. С. 8. На этот пост его утвердил Богдан Хмельницкий. Это был единственный реальный действующий иерарх, наделенный церковной властью над православным населением Гетманщины, т. е. всех верующих Левобережья (С. 10).
- 38 Там же. С. 16.
- 39 *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Отд. 2, Гл. 9. <http://www.magister.msk.ru/library/history/kostomar/kostom40.htm>
- 40 Там же.
- 41 Письмо Л.Барановича И. Гизелю от 14 октября 1668 г. // Чернігівські Афіни. Київ, 2002. С. 71.
- 42 Письмо Л.Барановича Симеону Полоцкому 1668 г. // Там же.